

Черти на службе у колдуна

Эта публикация продолжает знакомить читателей «Живой старины» с материалами фольклорно-этнографических экспедиций Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета (см.: ЖС. 1996. № 4. С. 51; 1999. № 2. С. 45—46). Экспедиции проводятся на территории Новгородской, Ленинградской и Тверской областей с 1996 г. Собранные материалы хранятся в архиве Кабинета фольклора АГ СПбГУ.

Публикуемые 6 быличек представляют собой записанные от разных информантов версии двух историй о встрече человека с чертом: как колдун показал женщине своих «ребят» (2 варианта) и как черт, посланный колдуном, жил в доме у деда (4 варианта). В каждом из случаев рассказы апеллируют к вполне определенному событию. Сравнение нескольких редакций одной былички позволяет сделать ряд наблюдений над характером варьирования фольклорных рассказов-меморатов в процессе бытования.

Колдун показал своих чертей

1. И как мне показывали, один показывал двух мальчишек, дак вот на факте показывал <...> Ну, чего-то, было, разговорились, вот он начал, что... А я говорю: «Я дак этого ничё не верю». — «А хошь, покажу?» Сидим двоём... двоё на двоё. «Хошь, — говорит, — покажу? Испугаешься?» А я и захохотала. Я говорю: «Брось ты, дядя Саша, а где ты их возмёмшь, покажешь?» — «А хошь, покажу?» Ну, я говорю: «Покажи». — «А не испугаешься?» Я говорю: «Так чё я испугаюсь-то, ты сидишь, я сижу — дак чё я спугаюсь-то?» А потом <...> он сидит, такой стол в углу стоял, об окошко, а я на табуретке сижу. Стол, ну, с деньгам, расклавши. «А ну-ко, — говори, — загляни под стол». Я под стол заглянула: два мальчишка в красненьких рубашках, чёрным кушаком опоясавши. Ну вот так. И вот сразу <...> потерялись. Ну-от как он показал мне их? Я вот этого не могу понять. Показал, потерялись <...> Идет жена евоная. Я хохочу <...> И она говорит: «Господи, коя твоя радость — опять расхотавши, да, ну и хохотуха!» Ну, он вбегает: «Я своих ей показал». Она так вроде кортавила-то маленько, дак говорит: «Как ты ей показал?» — «Ну, показал, да как — вот спроси у ей, показал вот. Она не буде врать». Она и стоит, говорит: «Правда? Анька, — говорит, — правда?» Я говорю: «Правда. Два мальчишка, — я говорю, — ну вот <...> Как он показал? Я откуда могу знать?» «Загляни, — говорит, — под стол» (зап. от А.В. Чуркиной, 1923 г.р., в д. Ваньково Тихвинского р-на Ленинградской обл.).

2. Он у нас знал, у меня там, что работал <...> Зотов. Так у него, говоря, были. Так он, говоря, кой-кому показывал <...> Так говорят, что под столом такие, как человечки, под столом кажутся <...> А вси говоря, <...> что оны покажутся-то в красных рубашках <...> Ой, кто же мни рассказывал, что Зотов-то показала нечистых? <...> Почтальонкой она работала, Чуркина, вот кто рассказывала. Говорит: «Я пришла с почтой...» Она в Саньково ведь носила почтуту. Она сейчас и в нашей деревне живе. Там во на краю. «Я, — говорит, — пришла к ему, — говори, — с почтой, а сидим, — говори, — мы с ним <...> Он-то вот и говори... (Чё-то об нечистых-ты.) Да я, — говори, — и говорю: «А нука, — говори, — покажи, говоря, у тебя нечистые <...> Я, — говори, — не верю». А он говори:

«Смотри, — говори, — под стол». — «Ну, я, — говорит, — под стол-то, — говори, смотри, и правда, — говори, — он мне показал. Тоже, — говори, — в этых, в красных, — говори, — рубашках, мальчишки, — говори. — Тондуют под столом». Не знаю, от она если врёт, дак... она сейчас и вон на краю там живе, Чуркина. «Не вру, — говори, — нисколько» <...> Не показываю оны людям-ты. Это там он был выпивши, дак показал (зап. от Е.А. Трошковой, 1926 г.р., в д. Ваньково Тихвинского р-на Ленинградской обл.).

Первый вариант можно, с небольшой степенью погрешности, считать исходной версией для второго: повествование в нем ведется самой участницей события, тогда как второй текст строится как пересказ ее свидетельства, представляя собой «рассказ в рассказе». В плане сопоставления «вторичного текста» с «источником», помимо прочих разнящихся моментов (например, во втором рассказе названа фамилия колдуна, черти не просто показываются, а танцуют и т.п.), особенно показательны финальные части, тем более что в обоих случаях речь ведется об истинности описанного происшествия. В первом рассказе действительность события утверждается косвенно — передается диалог с «недоверчивой» женой колдуна; рассказчица второй версии сама задается вопросом о правдоподобии случая («Не знаю, если врёт, дак...») и, чтобы ответить на него утвердительно, приводит универсальное объяснение: колдун сделал это спьяну (о чем ни слова не говорится в рассказе-свидетельстве). Так мотивирующий комментарий, утрачивая исходную модальность, становится в меморате повествовательной деталью.

Колдун прислал черта в дом

1. Она [бабушка рассказчицы] маленькая гонялась в поле. Сама она жила в Бушуных <...> а гонялась в поле в Лёнькине — это километра, наверно, ну, полтора, может быть, километра, деревня, где Лёнькино, теперь её нет, там один домик стоит тоже <...> Вот у этого хозяина, у которого она гонялась в поле, женился сын. И какую-то женщину отседа, от нашего краю, отседа с Харщины, не пригласили на свадьбу. По-видимому, так... так они предполагают, и она обиделась. И пустила чёрта на три года. И вот моя бабушка рассказывала — она очевидец, моя бабка. Говорит: «Пригонялись с поля поздно, уже солнце за лес, пока ужинают, темно. В Бушуных боюсь ийти. (Там место звалось Осиновая кладка, место так звалось, почаму — не знаю; Осиновая кладка — прививаются.) Здесь ночавать я боюсь». Дома-то были, избы-то были коптелье, еще, вот это, топились-то по-чёрному. И, говорить, он чё лапам доводит по стьянам — такие узоры изрисованы, и в чашки он там плявал на свадьбу, он говорил. И вот этот зять ихний (они принимали яво, он не женился, зять принимали оны к себе). Говорит: «Ты, небось, и в мою плявал?» — «Не, я в твою не плявал». — «А где ты был, когда свадьба шла, а ты где был?» — «А на чале сидел». — «Так у нас горько ж, дым идет». — «А я, — говорит, — голову вниз спущу — мне ня горько».

Он мучил только одного старого деда, старика. И этим ничего, так со всем разговаривает, и вот этот дед яво просил, что «ты покажись мне», что «какой ты?» Говорит: «Няльзя. Страшишься». — «А ты морской или сухопутный?» — «Сухопутный». — «Сколько будешь ходить?»

— «Три года». Три года отходил, распрощался, и ушел. Это вот рассказывала моя бабушка. Вот. Мучил только деда. Квашню оставит (ну, раньше хлебы-то делали в квашне сами), вот яво и тестом и вымажет, и яйца-то там в Пасху ему мянял. И ножики какие-то там (ходоки — ня знаю, что за ходоки какие-то, ну, обувь такая была), туда ножик яму ставил, и что он только ня делал. Всё вот тому старому деду — мучил. Три года мучил так. Вот. Это бабушка моя рассказывала. [А как он яйца менял ему? — Соб.] Ну: «Я вам своих принес, а ваши взял». — «А какие твои-то?» — «А вот такие». — «А какие?» Ну, они поглядеи — вроде одинаковые, как он их мянял — кто знает. Это вот рассказывала моя бабушка. Это, говорит, точно — точно было правда: Вот. Три года. Распрощался. Он [дед] говорить: «А куда пойдешь?» — «А куда пошлют». — «А ты от мужнины или от женнины?» — «От женнины». И вот они думали, что «мы её не пригласили, там вот (как её звали, я забыла теперь уже) не пригласили её на свадьбу, и она в отместку вот этому деду напустила». Говорит, никого не трогал, так вот разговаривает. Да ещё этот [зять] что-то поленом пустил, по яму попал. Там сосед был, умерший старик, сосед. Говорит [черт]: «Я б тебе отомстил бы <...> Мёртвый старик, — говорить, — я тебе посадил бы за плечи его — мне яво трогать не положено, не положено яво трогать, нельзя было тронуть яво <...> Я б тебе, — говорить, — его посадил бы за плечи, в отместку за это». Поленом он в яво пустил и поленом попал <...> Вот, вот такое вот я..., что мне бабушка рассказывала, то и я рассказываю (зап. от З.А. Савельевой в д. Малахово Андреапольского р-на Тверской обл.).

2. А потом, вот да, у нас вот тут за Малаховым деревня Лёнькино была. Это ещё встарь-встарь было. И вот тоже у одного мужнины жил чёрт на печке <...> И вот был поселён он в эту, на печку, ну. И вот он [хозяин], бывало, ня видеть этого чёрта, а вот он [черт] скажет, вот: «Вы идите, черта не даёте, мне не даёте». И вот всё рассказеть, бывало, вот там, где деньги он положить — он все скажет. «Ты вот говоришь, что тебе денег нету, а я вот знаю даже, где у тебе и деньги ляжать. Вот там тебе деньги ляжать». И скажет, сколько. Да. И только ходил в двенадцать часов. И ходил он долго, наверно, года два он к этому мужнины ходил. Ну, вот он [хозяин] потом, яво потом и спросил: «Ну, в общем, а чего ты мне не покажешься? Покажись мне». А он и говорит: «Не, ты меня, — говорит, — спугаешься. Это, — говорит, — не положено, чтобы, — говорит, — ты меня видел». «А куда ты, — говорит, — лязнишь ко мне?» (А раньше вот — ну вот стоять хоть и эта изба — и вот такой вот, почти под самой крышей вырезана вот такая дырочка, вот звалось верхничок.) «Я, — говорит, — лязию в этот верхник, вот, к тебе, и я, — говорит, — к тебе буду пота ходить, на сколько, — говорить, — времени я, — говорить, — к тебе прислано». И вот вриал он яму. Раньше ж хлебы пъякли свои — и квашню он ему оборачивал, этому мужнику. Возмётъ квашню и оборотить. Вот. [А кто его прислал, этого черта? — Соб.] Он не говорил, кто его прислал. «Я, — говорит, — буду пота ходить, пока вот, — говорит, — на сколько мне срок к тебе, — говорить, — к тебе дадено». Ну, и правду он сказал, вот, наверно, я думаю, года два он ходил, и всё. Последний раз пришёл, распрощался: «Всё, — говорить, — больше я к вам не приду». И не пришёл (зап. в д. Малахово Андреапольского р-на Тверской обл.).

3. Да вот Карп вот этот жил вот тут. Ну, говорили, что ходил к яму чёрт. [И что делал? —

Соб.] А ня знаю, что-то. Женьке надо спросить было. Но он ничего, наверно, а разговаривал. Говорить: «Я буду к тебе ходить до время, мене вот такой-то прислал к тебе» <...> Говорят, бумагам кидался: «Я тебе денег прииясу». Принять одних бумаг, набросать. Ну а ещё ня знаю... [И сколько у него времени было? — Соб.] А вот я ня знаю, та Жёня вот знает, сыйный мужик всё рассказывал, бывало, что «к моему деду ходил чёрт» (зап. от А.А. Ульяновой, 1921 г.р., в д. Белогубово Андреапольского р-на Тверской обл.).

4. Я, это, маво мужа дедушка был. Вот. Это вот к явонному дедушке ходил этот чёрт. И вот он не доходил две недели до году. Вот полный год ходил, этый чёрт. А сделал яму дядка с чужой дярвени. Была свадьба у их, ну, и на свадьбы яму ня дали кружку пива. И он вот осярчал, и вот он мог делать, и приворожил к яму, что чёрт ходил. <...> Приходил он в двенадцать часов, являлся, вот. Сначала, первое время, он не разговаривал, потом начал разговаривать. Ну, вот, бывало там, дедушка его спрашивает что: «Почама ты стал ходить сюда к нам?» А он рассказал: «Вот так и так, мене прислали, вот». Мне это тоже хозяин рассказывал, мужик мой. Ну, а он ещё был маленький, мальчишка сам, ну а дедушка яму рассказывал. «Вот, — говорил, — я всё могу сделать». Говорит, даже в деревне была свадьба, говорить: «Могу сделать, что невеста будет волком — сделаю дажа». И он этого не сделал, говорил: «Невеста хорошая». Потом на дярвене умерла там бабка одна, ну. А пришёл сосед посидеть, вот, к деду, дождал, пока чёрт явится этот. Вот. Говорить: «Я этому чёрту, дал бы яму». Тут ругался всяко, что «чего ты, дирку забей». А он ходил (раньше избы, бывало, дирочка, такой верхник делали на печке), и вот он в этот верхник. Дед взял и забил. Ведь всё равно он его разломал, этот верхник, и ходил в этот верхник. Ну. Вот этот сосед посидел, ушёл, а он деду и говорит: «Млако, что умерла бабка хорошая, а то он мне эту бабку б, если плохая была б, поносил бы всю ночь за плечам». Ну, он обратно ня сделал, потому что бабка хорошая была. Вот. Там соседи ня верили дажа, что, вот он ходит к деду. Пришли как-то дажа девки молодые, ну, послушать, что вот говорить. Пришли, смяются, стали так кол печки и стоять, а раньше печка, и наверх клали дровы, сушили. Ну, эти девки стоять, разговаривают, он оттуда эти дровы как шухнет на девок. Побегли девки смявша. Ну, что я могу яшо сказать, что? <...> Так он сильно не вярдил деду, ну, а когда <...> с дярвени народ придёт, хочут послушать, ну. Там, станут говорить, что вот ня может быть, ня правда. Ну, а при народе он не разговаривал. Только с дедом разговаривал. Ну, а когда уходил, он и сказал: «Что ж, дедушка, всё. Своё время я отбыл. Сколько было мне приказано ходить, столько я отходил». Вот две недели до года не отходил. А каждый вечер, бывало, являлся. Как двенадцать часов. Ну, долго он не бывал, нядолго, там, минут пять, ну, иногда десять, больше не был. [И не показывался? — Соб.] И не показывался, а видеть дед ня видел его. Говорит, другой раз деду скажет: «Вот я сижу, поймай мене!» Дед, говорить, зачнёт рукам ловить яво, а он: «Дедушка, ну где ты меня поймаешь, я ж шут, ну. Ты меня ж не поймаешь». Так дедушка и ня видел яво, ну, наверно, как душа ль, что ль, ходит <...> А дед не видал яво ни разу. Ну, а это хозяин рассказывал. Я вам говорю, а так... Ещё он сам был мальчишком, когда дед был яво <...> Что ж, щас таких [колдунов] нет. Это раньше были, говорили, что хотели, то и делали (зап. от Е.Ф. Шарковой 1934 г.р., в д.

Белогубово Андреапольского р-на Тверской обл.).

Среди рассказов о пребывании черта в доме у деда нет «свидетельской» версии, хотя все они в отдаленном прошлом, очевидно, имеют общий источник. Строясь по принципу кумуляции, мемораты, даже повествуящие об одном событии, то редуцируются до размеров простого сообщения с минимальным набором необходимых структурно-содержательных элементов, то значительно расширяются, стремясь к максимальной изобразительности, обрастая конкретными деталями, порой явно избыточными («А ты морской или сухопутный?» — «Сухопутный»), порождая повторяющиеся мотивы (ср. неосуществленные угрозы черта в 4-м варианте) и приобретая тем самым элементы новеллистичности. Действия черта, о которых повествуется в этих рассказах, сходны с поведением домового. Это касается не только вредительства человеку (швыряется дровами, бумагой, оборачивает квашню), но и доброжелательных поступков: во 2-м варианте нечистый говорит хозяину, где у того «денги ляжать» и сколько, так что черт здесь как бы теряет одну из своих главных характеристик — исключительную вредоносность. Но пребывание черта в доме, в отличие от домового хозяина, во временном плане дискретно — он не живет там, а «ходит», причем срок этого «хождения» ограничен. Поэтому показательно, что дед, которого мучает черт, воспринимает обитание в своем доме последнего как неизбежное, но временное явление — по-видимому, так же, как и сам «шут». В роли же «несогласного», пытающегося противостоять нечистой силе, выступает человек близкий, но посторонний, хотя эта фигура варьируется (зять — в 1-м варианте, сосед — в 4-м). Что касается остальных расхождений в различных вариантах, то основные из них связаны со следующими моментами: срок, на который прислан черт («три года» — 1-й вариант, «года два» — 2-й, «до время» — 3-й, «две недели до года не отходил» — 4-й; пол насланного черта («от женщины» — 1-й вариант, «дядка с чужой дярвени» — 4-й); пол покойника, которого нечистый грозит посадить на спину своему обидчику (старик-сосед — 1-й вариант, бабка — 4-й). Наличие разных версий указывает на особую значимость тех позиций, по которым происходит варьирование.

Оба сюжета, лежащие в основе данных рассказов, можно считать иллюстрациями устойчивого в народной демонологии представления о том, что на службе у колдуна находятся черти. Они абсолютно покорны хозяину, выполняют любые приказания, что, собственно, и составляет его силу, которая, при неумелом обращении с ней, может быть направлена против ее обладателя. Тем более примечательно, что сами черти в двух группах рассказов абсолютно разные. В одном случае это почти «картинка»: бессловесные мальчишки в красных рубашках и черных кушаках, на мгновение показавшиеся и исчезнувшие, в другом — выразительный образ невидимого, но разумного существа, с четко очерченным характером, порой даже трогательного. В соответствии с различиями в характеристиках самого образа черта различны и онтологический статус персонажа, и характер «общения» с ним. Кратковременное лицемерие «мальчишек», сам факт которого для рассказчицы несомненен, тем не менее может осмыслиться как галлюцинация, навязанная, морока, как видение того, чему была придана материальная оболочка лишь на момент

«показа». Запечный черт-хулиган, наоборот, подтверждает «объективность» своего материального бытия и словом (диалоги с дедом) и делом (переворачивает квашню, кидает дрова и т.п.); не обнаруживая своей формы, он обнаруживает объем (в него можно попасть поленом); обладая волшебной силой (может превратить невесту в волка), не может преодолеть свою телесную ипотасю (разламывает заколоченный верхник, чтобы попасть в дом, свешивается с печки, чтобы не задохнуться дымом).

На наш взгляд, все указанные различия двух «разновидностей» колдовских чертей связаны с известной омонимичностью понятия «черт» и многогранностью этого образа в народной мифологии, с отсутствием его определенных очертаний и однозначных характеристик, с тенденцией объединять под этим именем исконно самостоятельных персонажей, делая черта синонимом едва ли не всей национальной нечисти. Различия эти во многом обусловлены особенностями тех местных фольклорных традиций, в недрах которых возникли данные тексты. Первые два рассказа записаны в Тихвинском р-не Ленинградского обл., а в мифологических переживаниях жителей этого региона (включающего еще ряд мифологических районов) одно из центральных мест занимает фигура колдуна. Представление о службе чертей колдуну здесь чрезвычайно распространено и лежит в основе большей части мифологических рассказов, записанных в последнее время. В них отмечается большая степень вариативности и «работанности» конкретных моментов (где держит колдун своих «ребят», сколько их бывает, как их передавать и продавать, существует ли среди них «специализация» и т.д.). Таким образом, черт в местной демонологии имеет «прикладное» значение, выступая в основном как атрибут колдуна. Поэтому в тихвинских текстах «мальчишки в красных рубашках» столь невыразительны и безлики: они воплощают некую однородную абстрактную силу, помогающую колдуну в магии. Рассказы о насланном черте записаны на северо-западе Тверской обл. В демонологии этой местности черт и колдун — две самостоятельные «единицы»: мотив связи последнего с нечистой силой известен, но отнюдь не является доминирующим в представлениях и рассказах о колдовстве, а наиболее распространенные здесь сюжеты быличек, не связанные с колдунами, — о встрече человека с чертом в том или ином его обличи. В связи с этим местный черт часто приобретает «человеческие» характеристики, сближающие его со сказочным бесом, с которым можно договориться, которого можно перехитрить — в общем, поступать и общаться с ним «как с человеком». Поэтому в рассказах второй группы, по сравнению с первой, черт и его хозяин как бы меняются местами. В центре внимания оказывается «шут», а колдун отходит на второй план, обретая по отношению к черту атрибутивное значение: подчиненность черта колдуну выступает здесь как характеристика самого черта. Если в тихвинских рассказах наличие чертей — показатель силы колдуна, то в тверских, наоборот, колдун оказывается лишь «проводником» и «распорядителем» силы черта: на самом деле это черт портит жизнь людям, превращает невест в волков, сажает покойников за плечи живым, а колдун лишь предписывает, запрещает, утанавливает временные, функциональные и прочие рамки.

Н.В. КУЗНЕЦОВА,
студ. I курса СПбГУ;
М.П. ПУРЬЕ, канд. искусствоведения
(Санкт-Петербург)